

Сергей Женжера,
к.филос.н., доцент кафедры
гуманитарных дисциплин Открытого международного
университета развития человека «Украина»

К ВОПРОСУ ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МЕТОДА АНАЛОГИИ

Сергій Женжера. До питання щодо евристичного значення методу аналогії

Стаття присвячена методологічному та евристичному значенню методу аналогії. Підкреслено його засадничий характер для будь-якого іншого методу пізнання. Наведено приклади складних аналогій між явищами та процесами різного типу. В другій частині статті на базі аналогії з людськими відчуттями здійснено розвідку щодо можливості розширення контексту гносеологічного дискурсу

Ключові слова: аналогія, гносеологія, абстрагування, категорія практики, органи чуттів

Наше исследование будет состоять из двух частей, в первой из которых обратим внимание на универсальные особенности метода аналогии, в то время как во второй используем его для раскрытия вопроса о возможных способах презентации исходного гносеологического отношения человека, как субъекта, к познаваемому в самом широком смысле слова

Аналогия является своеобразным методом методов, владение которым определяет саму способность того или иного человека к методологическому мышлению. Это связано с тем, что смысл любого метода состоит в применении одного инструмента к нескольким объектам. Т.е. надо найти в разных вещах, мыслях и т.д. нечто общее, провести между ними аналогию. Если они не будут разными, то метод не будет методом (он не будет способом действия, а просто самим действием в абсолютно той же самой, а значит, единичной ситуации), а если не будет найдено общего, то он просто не будет применён к нескольким объектам. Возьмём пример истолкования через аналогию даже «соседнего» метода индукции: «Суть такого умозаключения... в переносе свойств с известных фактов на неизвестные. Весь вопрос в индуктивном исследовании состоит в том, чтобы установить, что же даёт право переносить знания об этих предметах на другие предметы того же рода. Однако установить это средствами только одной индукции невозможно. В ходе научно-теоретического мышления для этого привлекаются и другие формы и способы мышления»¹

К этим другим принадлежит, естественно, аналогия. А поскольку она не является точным методом, то качество мето-

---

¹ Андреев И.Д. Диалектическая логика: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1985. — С. 237.

логического мышления определяется чувством аналогии, искусством аналогии, культурой аналогии, часто дерзостью аналогии. Поэтому вполне возможен человек, строго мыслящий, но совершенно методологически безграмотный, не ориентированный на понимание методологических оснований своей научной и профессиональной деятельности

Отдельно оговоримся, что не будем доводить до замещения аналогией других методов, как это имеет место в концепции Джорджа Беркли. Знаменитый английский философ, судя по всему, истолковывал индуктивное умозаключение, на которое опирался его коллега Френсис Бекон, буквально в качестве суждения по аналогии: «... a Stress on Analogies... For Example, Gravitation, or mutual Attraction, because it appears in many Instances, some are straightway for pronouncing *Universal*»¹. Т.е. Беркли называет индуктивное обобщение, приводящее к идее гравитации, упором, акцентированием на аналогии объектов. Мы же ограничиваемся констатацией того, что сам подбор объектов, которые в дальнейшем станут эмпирической базой для, например, индуктивного суждения, осуществляется благодаря нахождению в них определённых аналогий, делающих индукцию на следующем этапе возможной.

1. Эвристические возможности метода аналогии

1.1. Логический аспект. Возьмём классическое логическое определение аналогии, которое приводит академик А.Е. Конверский. Аналогия — «... это такое недедуктивное умозаключение, в котором суждение о принадлежности определенного признака объекту выводится на основе подобия изучаемого объекта другому объекту; ... такое умозаключение, в котором из сходства двух предметов в ряде признаков делается вывод об их сходстве и в остальных признаках»². Соответственно, ставя аналогию в один ряд с дедуктивными и индуктивными суждениями мы сразу достаточно рельефно видим очевидную неточность, расплывчатость этого метода. Причиной является то, что, будучи традитивным методом (где из частных посылок делается частный вывод либо из общих общий), от индукции и дедукции аналогия принципиально отличается тем, что у неё отсутствует переход от общего к частному или наоборот, обеспечивающий своеобразный охват, калибровку отдельных суждений, распределённость составляющих их терминов. Здесь же масштаб остаётся неизменным.

Поэтому если бы мы вели речь исключительно об эвристическом аспекте и рассматривали аналогию как способ созда-

¹ Прокопов Д.С. Інтерпретація хибності в європейській філософії XVII — середини XVIII століть: Монографія. — К.: Вид. ПАРАПАН, 2008. — 304 с.

² Конверский А.Е. ЛОГИКА традиционная и современная. Учебное пособие. — М.: Идея-Пресс, 2010. — 209 с.

ния, к примеру, произведений искусства, то пришлось бы просто констатировать данный факт. Однако данное исследование проводится на философско-методологическом уровне: и потому нам ничего не остаётся, как постараться придать аналогии (наряду с теми логическими методами рационального мышления, в компанию к которым она попала) как можно большую степень точности, упорядоченности, алгоритмизации.

Структура суждения по аналогии вместе с соответствующей терминологией разработана не хуже, чем для других разновидностей мыслительных процессов, поддающихся рациональному анализу: «**Оригиналом** аналогии называется предмет, признак которого переносится на другой объект. **Субъектом** аналогии называется предмет, на который переносится признак оригинала. Оригинал и субъект называются **терминами** аналогии. Признак, который переносится с оригинала на субъект, называется **переносимым признаком**. Признак, который одновременно принадлежит оригиналу и субъекту и который является основанием для переноса другого признака, интересующего нас, называется **основанием** аналогии... В структуру аналогии входят четыре вида суждений: 1) суждение о наличии основания у оригинала; 2) суждение о наличии основания у субъекта; 3) суждение о наличии переносимого признака у оригинала; 4) суждение о наличии переносимого признака у субъекта. Первые три суждения — это посылки, а четвертое — заключение аналогии»¹.

Аналогия может быть проведена между самыми неожиданными объектами или идеями. Но в целом различают два основных варианта: «Существуют два вида аналогий: аналогия *свойств* и аналогия *отношений*. **Аналогией свойств** называется умозаключение, в котором переносимыми признаками являются свойства...

Предмет a обладает признаками $P_1, \dots, P_n$.

Предмет b обладает признаками $P_1, \dots, P_n$.

Предмет a обладает признаком Q .

По-видимому, предмет b обладает признаком Q ...

Аналогией отношений называется умозаключение, в котором переносимыми признаками являются отношения...

$P_1(a_1, a_2, \dots, a_n) \& P_2(a_1, a_2, \dots, a_n) \& \dots \& P_n(a_1, a_2, \dots, a_n)$.

$P_1(b_1, b_2, \dots, b_n) \& P_2(b_1, b_2, \dots, b_n) \& \dots \& P_n(b_1, b_2, \dots, b_n)$.

$Q(a_1, a_2, \dots, a_n)$.

 $Q(b_1, b_2, \dots, b_n)$ »²

¹ Конверский А. Е. ЛОГИКА традиционная и современная. Учебное пособие. — М.: Идея-Пресс, 2010 — С. 209—210.

² Там же — С. 210.

Однако за высокий уровень эвристичности приходится расплачиваться соответствующей неточностью, которую подчёркивает вывод, начинающийся со слов «по-видимому». Но кроется она не в схеме суждения, а в содержании элементов. Здесь можно отметить как минимум три аспекта:

- свойство-основание может оказаться несущественным для суждения-образца, либо суждения-субъекта, либо же обоих;
- переносимое свойство также может оказаться несущественным в тех же трёх вариантах;
- связь между свойством-основанием и переносимым свойством может оказаться несущественной также в трёх случаях.

В итоге получаем 9 вариантов чисто случайного проведения аналогии, которая не гарантирует содержательного методологического результата.

Официально предпринимаются усилия для того, чтобы придать аналогии максимальную наукообразность: «Для повышения меры достоверности заключения по аналогии следует выполнять такие требования: 1. Число общих для оригинала и субъекта признаков должно быть насколько возможно большим. 2. Основание аналогии должно быть существенным для оригинала и субъекта аналогии. 3. Общие признаки оригинала и субъекта должны быть самыми разнообразными по своей природе. 4. Переносимый признак должен быть тесно связан с другими рассматриваемыми в аналогии общими признаками. Аналогия служит своеобразным генератором новых идей. С ее помощью раскрываются новые грани идей, уже доказавших свою эффективность, устанавливаются связи между новыми идеями, гипотезами и достоверным знанием»¹. Попробуем же привести ряд примеров работы «генератора идей» на уровне проведения аналогий в процессе познания.

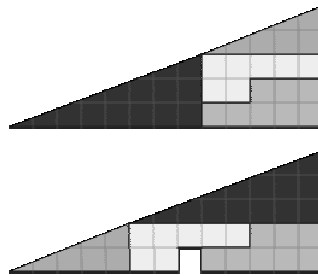
1.2. Гносеологический аспект (анalogии между ситуациями и задачами, поиск решения по аналогии). Итак, сравним несколько задач и просто отрывков литературного текста; и постараемся схватить то, каким образом одинаковая мысль, общий метод понимания присутствует в двух аналогично схожих случаях.

№1

«Загадка зниклого квадрата. На малюнку зображено дві фігури. Кожна з фігур складається з одних і тих же деталей. Порядок розташування деталей, як відомо, не впливає на за-

¹ Конверский А. Е. ЛОГИКА традиционная и современная. Учебное пособие. — М.: Идея-Пресс, 2010. — С. 211.

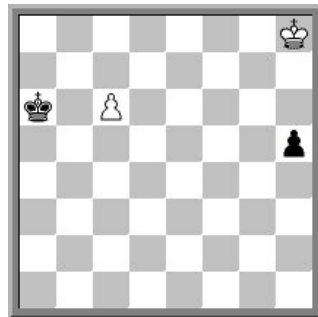
гальну площу фігури. Куди пропав квадратик на нижньому малюнку?»¹.

«Этот тайник был довольно оригинальным. Когда Эдгар вошёл в стену — перед ним возникла на миг узкая, вроде бы несообразная для человека щель, я сразу вспомнил этот хитрый и сложный метод, смесь магии иллюзии и магии перемещения. Из какого-то ограниченного пространства, к примеру, из комнаты, забирались кусочки пространства — узкие полоски вдоль стен — и магически соединялись в единый «чулан»... Чуланчик оказался не таким уж и маленьким: три на три метра, не меньше. В нём даже было окно — точно так же «нарезанное» из кусочков других окон. Пейзаж в окне выглядел фантазмагорией: полоска леса, половина дерева, клочок неба, всё перемешано в полнейшем беспорядке»².

№2

Задача Р. Рети 1922: Белые: с6, Крh8. Чёрные: h5, Краб [15]
Р. Рети, 1921 г.

Ничья

«А вот позиция, в которой задание — сделать ничью — может вызвать самое искреннее удивление и даже негодование. Автор как будто решил посмеяться над нами, предложив

¹ Электронный ресурс: <http://zadachki.in.ua/zahadka-znykloho-kvadrata/>

² Лукьяненко С. В. Сумеречный дозор: Фантаст. роман / С. В. Лукьяненко. — Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — С. 314—315.

нерешаемую головоломку. Какая здесь ничья? Король белых катастрофически отстал от вражеской пешки и может только проводить ее взглядом. Надежды на свою пешку нет — она далеко, а черный король одним прыжком собирается свести с ней счёты. И все же эта головоломка решается. Решается, если мы сможем отойти от наших обычных жизненных представлений. Идя по улице, вы стремитесь догнать знакомого, двигаясь по прямой. Вы бы, несомненно, вызвали недоуменные взгляды прохожих, если бы стали двигаться зигзагами. Не правда ли? Каждый школьник знает, что на плоскости прямая является кратчайшим расстоянием между двумя точками. *А между тем на шахматной доске путь по прямой ничуть не короче, чем по ломаной.* Так, двигаясь по прямой, король белых может попасть с поля h8 на h2 за шесть ходов... Эта удивительная особенность шахматной доски позволяет найти решение. Гонясь за черной пешкой, король белых должен одновременно стараться прийти на помощь своей пешке. Правда, наша попытка достичь сразу двух целей противоречит мудрой житейской поговорке: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь», но в шахматном королевстве свои законы!... В свое время этюд Рети обошел мировую печать и вызвал немало подражаний. Тема погони за двумя зайцами, основанная на своеобразной геометрии шахматной доски, стала очень популярной¹. И хотя в следующей задаче нет прямой аналогии, самой идеи погони за двумя зайцами, однако присутствует более тонкая: *способ решения* логической задачи может быть почерпнут из способа решения только что приведённой шахматной.

Сумасшедшая муха. «Два міста, А і В, перебувають на відстані 30 км одне від іншого. Із цих міст одночасно виходять один одному назустріч два пішоходи й рухаються, не зупиняючись, кожний зі швидкістю 5 км/год. Але разом з першим пішоходом з міста А вилітає муха, що пролітає за годину 10 км. Муха випереджає першого пішохода і летить назустріч другому, що вийшов з В. Зустрівши його, вона відразу повертає назад до пішохода А. Зустрівши його, знову летить назад назустріч пішоходу В, і так продовжувала вона свої польоти вперед та назад доти, поки пішоходи не зустрілися. Тоді вона заспокоїлася й сіла одному з пішоходів на капелюх. Скільки кілометрів пролетіла муха?»².

№3

И пример из двух книг одного цикла. Здесь нет такого контраста, как в предыдущих случаях. Зато автор буквально

¹ *Авербах Ю. Л., Бейлин М. А. Путешествие в шахматное королевство. — 3-е изд., перераб., доп. — М.: Физкультура и спорт, 1988. — С. 181—183.*

² Электронный ресурс: <http://zadachki.in.ua/skazhena-muha/>

проводит идею практического познавательного значения аналогии.

«Командный центр, зал для медитации... и, возможно, нечто большее»¹. «Пеллаэон застыл в изумлении. Стены и куполообразный потолок увешаны картинами, в некоторых угадывались творения рук человеческих, но большинство принадлежало авторам явно иного мировосприятия. Вокруг, просто на полу или на постаментах, возвышались скульптуры. В центре комнаты располагались два кольца мониторов: внешнее чуть выше внутреннего. Насколько мог о том судить Пеллаэон, их экраны также воспроизводили нечто художественное»². «Скажите мне, капитан, вы имеете какое-либо представление об Искусстве?»³. «Изучайте Искусство, капитан! — почти мечтательно протянул Траун. — Когда вы понимаете искусство какой-либо расы, вы понимаете особенности ее мышления»⁴. «Он развернулся, чтобы уйти... и резко остановился: на полпути к выходу стояла одна из скульптур, не исчезнувшая вместе с остальными, — причудливо изогнутая застывшая волна чужеродного океана. — Да, — раздался за спиной капитана голос Трауна. — Она, действительно восхитительна. И совершенно настоящая. — Она... великолепна, — только и сумел выдать Пеллаэон. Скульптура странным образом завораживала, притягивая взгляд в первую очередь своей чужеродностью. — Не правда ли? — продолжал Траун. Его голос был печален. — Моя единственная неудача. Тогда я только начал через произведения искусства понимать психологию рас. По крайней мере, пытался... Увы, их я начинаю понимать только сейчас. — Я уверен, в этом вопросе у вас все впереди, — дипломатично предположил Пеллаэон. — Сомневаюсь в этом, — тем же тоном отозвался Траун. — Я уничтожил их мир»⁵.

«Траун по своему обыкновению изучил особенности этноса и культурные традиции системы Юкио и переосмыслил весь план. Каким образом можно стать экспертом в столь туманном и неконкретном вопросе, как культура, за столь рекордные сроки, не укладывалось в капитанской голове. Тем не менее Траун был убежден, что в основании психологии юкионцев заметную роль играет страх перед невозможным»⁶.

¹ *Зан Т.* Звездные войны: Наследник Империи: Фантастический роман. — СПб.: Terra Fantastica; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — С. 12.

² *Зан Т.* Звездные войны: Наследник Империи: Фантастический роман. — СПб.: Terra Fantastica; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — С. 14.

³ Там же. — С. 17.

⁴ Там же. — С. 22.

⁵ Там же. — С. 237—238.

⁶ Там же. — С. 14.

1.3. Приведя примеры гносеологического использования аналогии, отметим, что она может выступить даже **на уровне онтологии**. В этом плане вспомним теорию аналогов Ибн-Сины: «... формы — в широком смысле этого термина — не привносятся в материю извне, а существуют в ней в возможности, потенциально. Иначе говоря, «привнести» в материю форму не может не только чуждое ей как материи начало, но и какая-то другая материя. Все, что претерпевает действие какого-то предмета, выступающего в качестве ближней действующей причины изменения в том, на что это действие направлено, получает от него не само «обретаемое» в процессе изменения качество, а лишь его «аналог» (мисаль): «Все, что претерпевает действие ближайшей причины, испытывает действие через посредство аналога, передаваемого ему этой причиной, что явствует из индукции. Жар огня, например, воздействует на то или иное тело, лишь передавая ему свой аналог, коим является теплота»... О реальной «передаче» качеств здесь говорить было бы так же абсурдно, как о передаче мыслей на расстоянии (гипноз Ибн-Сина объяснял изменениями в психическом состоянии самого гипнотизируемого). При действии же отдаленной причины мы можем иметь в конце процесса нечто совершенно отличное от того, что мы имели в его начале. В «Трактате о любви» Ибн-Сина по этому поводу пишет: «Могут сказать, что солнце греет и чернит, хотя теплота и чернота не являются его аналогом. Но на это мы ответим так: мы не утверждаем, что всякое явление, возникающее в претерпеваемом действии предмете под влиянием предмета, оказывающего это действие, наличествует в этом последнем предмете, ибо оно есть [только] аналог предмета, оказывающего воздействие, в предмете, испытывающем это воздействие; мы утверждаем, что действие ближайшего начала, оказывающего воздействие, на предмет, испытывающий это воздействие, осуществляется через посредство некоего аналога, передаваемого от первого к последнему. Так, в частности, обстоит дело с солнцем: оно воздействует на ближайший предмет, испытывающий его действие, таким образом, что передает ему свой аналог, а именно свет. Когда предмет принимает свет, в этом предмете возникает теплота, так что предмет, испытывающий действие солнца, нагревает другой предмет, испытывающий действие этого предмета, также передавая ему свой аналог, а именно свою теплоту, вследствие чего этот другой предмет, получая теплоту, нагревается им и чернится»...»¹.

Любопытно, что советская традиция, основываясь на диалектическом принципе всеобщей связи, даже объясняла онто-

¹ Сагадеев А. В. Ибн-Сина (Авиценна). — 2-е изд. — М.: Мысль, 1985. — С. 102.

логические основания проведения аналогии и редукции её неопределённости: «Каковы же объективные основания, которые дают право переносить (логически) признак с одного известного нам предмета на другой? Таким основанием является всеобщая связь и взаимозависимость предметов, явлений материального мира, вследствие которой изменение одного существенного признака какого-либо предмета неизбежно сказывается и на других его признаках. Существование любого свойства предмета обусловлено существованием многих других его свойств, с которыми он находится в органическом единстве, представляющем собой взаимосвязанную систему. Но если известно, что два каких-либо предмета обладают одинаковой совокупностью определенных свойств и один из этих предметов обладает также другим свойством, закономерно связанным с данной совокупностью свойств, то естественно предположить, что и второй предмет обладает этим новым свойством»¹.

И не забудем оригинальную точку зрения Джорджа Беркли, который в аналогии видит отличие, причём весьма рискованное, научного подхода от обыденного-бытового. Причём вовсе не обязательно в данном случае вести речь об умении проводить аналогии. Скорее это вынужденная необходимость, связанная с попыткой провести какое-то обобщение. Просто дело в том, что уход с уровня, непосредственно связанного с эмпирией, по мнению Беркли, оставляет учёному возможность лишь проводить аналогии, а не применять научную индукцию, как на то рассчитывал Френсис Бекон. Фактически Беркли приводит более сильный аргумент, чем тот, с которого мы начали исследование: аналогия оказывается не столько основой применения любого метода, сколько заменителем любого из них в случае отсутствия непосредственной связи с эмпирическим материалом. «... і науковець (наприклад, фізик, який ретельно протягом тривалого часу досліджує природні явища), і звичайна людина виявляються абсолютно однаковими щодо можливості пояснення певних природних феноменів. Їхнє знання, а точніше незнання, причин окремих подій є абсолютно однаковим. І той, і інший в однаковій мірі не знають що саме було тією причиною, яка викликала певне явище (за винятком тих випадків, коли причина безпосередньо спостерігалася). Єдина відмінність між ними, як намагається довести Дж. Берклі, полягає лише у рівні та широті їхнього розуміння того, що відбувається, а також того, що могло (повинно було) відбутися. У цьому сенсі науковець доволі часто використовує принцип аналогії... Але «ненормативне» застосування цього

¹ Андреев И. Д. Диалектическая логика: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1985. — С. 239.

принципу... може стати безпосередньою причиною виникнення хіби»¹.

2. Базовые аналогии в описании познавательного процесса

Во второй части нашего исследования перейдём от познавательных аспектов аналогии к познанию через аналогию. И воспользуемся эвристическими возможностями данного метода для уяснения и расширения набора образов, используемых в теории познания при моделировании взаимодействия субъекта и объекта.

2.1. Сначала обратим внимание, что при описании познавательного процесса с точки зрения аналогий с пятью органами чувств, иудейская, семитская традиция использует синкретичный образ четырёх из них (в Ветхом Завете постоянно повторяются образы вкуса, запаха, чувства вообще по отношению к закону Божьему — но ни в коем случае, не зрительный образ Бога) за исключением зрения, характерного для склонных к абстрагированию (т.е. взгляду со стороны) эллинов. В то время как европейцы вслед за древнегреческой философией оперируют именно зрительными образами, переложенными на язык гносеологии. Если же постараться не просто разделить дистанционные и непосредственные восприятия, а воспользоваться всеми пятью базовыми аналогиями, то получим следующую картину:

- абстрагирование представляется процедурой, предполагающей принципиальную необходимость отойти в сторону от изучаемого объекта, посмотреть на него извне, что характерно, в первую очередь, для **зрения**. Применяется в научном познании. Конкретно формирует понятие метауровня в философии и методологии науки и выражается в таком явлении как «распределённое понятие» (т.е. полностью охваченное в конкретном суждении) в формальной логике. Коротко говоря, задача сводится к тому, чтобы увидеть объект со стороны, отдельно от субъекта, от себя (напоминает аристотелевскую форму);

- **образ тактильного ощущения**. Требование прочувствовать точку зрения, чтобы понять её, поставить себя на место другого. Ярким примером является философия Шеллинга, «посмотревшего» с двух полярных позиций материализма и идеализма. Часто используется в религиозной философии и психологии. Познание рассматривается в качестве разновидности Любви, т.е. максимального приближения, стремления к объекту. Поманипулировать с объектом (советская формула: практика, как критерий истины);

¹ Прокопов Д. С. Інтерпретація хіби в європейській філософії XVII — середини XVIII століть: Монографія. — К.: Вид. ПАРАПАН, 2008. — С. 303—304.

• образ **вкуса** (не в эстетическом понимании, конечно) не так разработан в нерелигиозной философии. Можно привести пример религиозного понимания соединения *Consubstantialiter* (в единство, как лица Троицы), в отличие от *Circumincessio* (соединение с другим, как с другим). Первый вариант человеку в идеале не дан, поскольку тварная природа останется тварной. А соединение с другим творением таким образом буквально превратится в пожирание, поглощение. Любопытный пример из «Малыша» братьев Стругацких: «Негуманоиды, о которых я знаю, были совершенно не способны так воспитывать человеческого детеныша. Прокормить его, приручить — могли бы. Исследовать в своих странных лабораториях, похожих на гигантскую действующую модель кишечника, — тоже могли бы. Но увидеть в нем человека, идентифицировать в нем человека, сохранить в нем человека — вряд ли»¹. Здесь видно, что символическое переваривание противопоставляется человеческому познанию. Идея познания как причащения. Чтобы понять объект, надо пустить его внутрь себя и позволить себя вести. Причаститься к определённому объекту, всегда держать его буквально или мысленно при себе. Делать всё не без его помощи (напоминает аристотелевскую действующую причину и практику как источник и движущую силу познания). Категория средства;

• образ **запаха** близок ко вкусу. Согласно современному пониманию физиологически запах возникает при буквальном попадании в носовые рецепторы частичек объекта, излучающего запах. В качестве утончённого образа используется в религиозной философии. Хорошо передано в украинском переводе Хоменка: «1. І вийде паросток із пня Єсея, і вітка виросте з його коріння. 2. Дух Господній спочине на ньому, дух мудрости й розуму, дух ради і кріпости, дух знання й страху Господнього. 3. Він дихатиме страхом Господнім; він судитиме не як око бачить, і не як вухо чує присуд видаватиме. 4. Він буде по справедливості судити...»². Дышать Страхом Господним означает не действовать из страха перед наказанием, а в соответствии с тонко прочувствованным миропорядком, наиболее соответствующим для бытия образом. Находиться внутри объекта. Использовать любую ситуацию для объекта (напоминает аристотелевскую цель; и практику как цель познания);

• в предыдущей цитате аналогия со **слухом** использована в отрицательном смысле. Речь идёт о познании с чужих слов. Но

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Малыш // Обитаемый остров; Малыш; Фантастические романы. — М. АСТ-ЛТД; СПб.: Terra Fantastica, 1998. — С. 458—459.

² Исаия 11, 1 — 4 // СВЯТЕ ПИСЬМО СТАРОГО ТА НОВОГО ЗАВІТУ. — [Повний переклад, здійснений за оригінальними єврейськими, араміїськими та грецькими текстами]. — Видавництво отців Василіян «МІСІОНЕР», 2007.

если повести речь не о социальном аспекте, а о познании в естественно-научном виде, то стоит обратить внимание на присутствие среды. Т.е. услышать истину можно только с помощью посредника. В вакууме звук не распространяется. «Слушай сын, уроки учителя и преклони к нему ухо сердца твоего» — из устава преподобного Бенедикта¹. С вслушиванием связана также практика исихастов. В самой общей форме можно сказать, что идеал познания по аналогии со слухом состоит в том, чтобы максимально уменьшить активность субъекта, дабы это не мешало ему воспринять, интеллектуально услышать объект (всё равно что замолкнуть самому, позволить себе услышать, осознать и понять собеседника). На образ слуха пытался ориентироваться классический идеал рациональности, пытаюсь элиминировать субъекта в попытке воспринять объект в чистом виде. Хотя невозможность воплощения этого идеала на практике указывает уже П. Гассенди: «Тож минаючи точку відчуття, ми маємо справу вже не з односпрямованим зв'язком, що йде від «істини буття» через «істину відчуття» і до «істини висловлювання», а з двома зустрічними напрямками, один з яких викликаний пасивністю суб'єкта (від речі до відчуття), а інший — його активністю (від висловлювання до відчуття). Здавалося б таке поєднання активності судження із пасивністю відчуття є ключем до розв'язання чималої кількості гносеологічних проблем. Але, дивна річ: виявляється, що пізнавальна активність суб'єкта має своїм результатом ніщо інше, як хибу. Тобто, якби цієї активності не існувало, то тоді не було б хиби, а отже всі знання були б істинними»². Практически: элиминировать из познавательного отношения активность субъекта. И посмотреть, что тогда проявится в виде объекта. Очень близко к классическому идеалу познания, требующему элиминировать субъективное влияние на объект познания, очистить познавательную ситуацию от субъективности. Однако аналогия со слухом предполагает ещё и обязательную активность объекта (чтобы было, что слышать), а это уже характерно для неклассического идеала³. Причём отдельно отметим явную противоположность аналогии со слухом и идеи практики, как основы познания.

В связи с вышеприведённым делением отдельно отметим сравнение научного и религиозного подхода к проблеме, отно-

¹ Электронный ресурс <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=venedikt>

² Прокопов Д. С. Интерпретація хиби в європейській філософії XVII — середини XVIII століть: Монографія. — К.: Вид. ПАРАПАН, 2008. — С. 171.

³ Добронравова І. С. Ідеали і типи наукової раціональності [Електронний ресурс] / І. С. Добронравова. — Київський університет як осередок національної духовності, науки, культури. Матеріали науково-теоретичної конференції, присвяченої 165-річчю університету. Гуманітарні науки. Частина I. — К.: ВЦ «Київський університет», 1999. — С. 24—28. — Режим доступа к работе: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/dobr-ideal.html>

симой и к гносеологии, и к философии истории — а именно к сложности объективной оценки определённого события современниками. В своём фундаментальном исследовании, посвящённом истории церковных Соборов, Антон Владимирович Карташёв отмечает: «Есть вообще икона вещей, их высший, богоподобный нетленный образ. И праведно зрящее око видит икону там, где плотское зрение видит лишь убогую материальную оболочку... В чем же икона, в чем специфическая ценность...? ... один светский философ сказал...: «Удивительная вещь! Церковь всегда была права, и все еретики были не правы!»¹. Здесь под термином «икона» скрывается понятие «правда» в его сравнении с реальным событием и историческим мифом. Получается такая последовательность: реальное событие → трактовка современников (например, отлучение от Церкви будущего святого), официальные постановления (например, объявление императором будущей православной формулировки еретической) → научное, религиозное, философское, общественно-практическое переосмысление → итоговая правда, икона, отличная и от события (достоверной информацией о котором почти не осталось), и от конъюнктурного мифа о нём (т.е. итоговое остаточное знание плюс официально признанное значение в историческом контексте). Научное объяснение в данном случае использует дистанционную аналогию со зрением: ради объективности оценки надо максимально отдалиться; например, ретроспективно посмотреть на событие, со стороны; что доступно либо по прошествии многих лет, либо мыслительно-современнику с развитым воображением и способностью к абстрактному мышлению. Религиозное объяснение: надо максимально приблизиться, углубиться, вжиться в объект; услышать голос Божий в гомоне преходящих бытовых событий (ощутить вкус истины, запах, прикоснуться к ней); распознать Знаки Времени; на что способен человек духовный.

2.2. Отметим, что детально разработанная советской философской школой деятельностная парадигма опирается на **роль практики в познавательном процессе** — в отличие от западной аналитической парадигмы, использующей филологические аналогии (на подобие рассмотрения любой концепции в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах). Любопытно, что именно советский подход, явно не совместимый с уподоблением познания вслушиванию, позволяет провести ещё одну аналогию с библейской традицией, такую аналогию часто использующей.

---

¹ *Карташев А. В.* Вселенские Соборы. — Минск: ООО «Харвест», 2008. — С. 275—276.

Иудейская традиция очень своеобразно относится к практике: «И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]»¹. Греки (имеется в виду эллинистическая философская традиция) сначала постарались бы понять, а потом сделать; иудеи же наоборот, согласны понять, только попробовав, испытав на практике. Такое понимание близко педагогике — ведь для того, чтобы понять, зачем изучать нечто неизвестное, ученику требуется вначале получить об этом известном какое-то представление, т.е. выучить его на каком-то уровне.

Советская традиция старается диалектически объединить действие и познание, идущие параллельно и взаимно обогащающиеся. В результате возникает следующее представление о функциях практики: «Практика, або перетворення предметного світу відповідно до потреб людини, — це основа суспільного життя... Практика є основою пізнання тому, що пізнання формується на ґрунті предметно-практичної діяльності суспільства з перетворення природи і спочатку виступає одним із моментів цієї діяльності... Практика виступає джерелом і рушійною силою розвитку пізнання, бо пізнання розвивалось і розвивається відповідно до того, як людина навчається змінювати дійсність... Практика є одночасно і кінцевою ціллю пізнання, оскільки мета пізнання, зрештою, обумовлюється практичними потребами суспільства... Практика виконує також функцію критерію істинності наших знань, в результаті своєї суспільної природи має всезагальний і необхідний характер, набуває властивості безпосередньої дійсності, тобто є разом з тим безпосередньою чуттєвою діяльністю»².

Сравним теперь с Книгой Премудрости Сираха (глава 1):

«14 Любовь к Господу — славная премудрость, и кому благоволит Он, разделяет ее по Своему усмотрению.

15 Начало премудрости — бояться Бога, и с верными она образуется вместе во чреве. Среди людей она утвердила себе вечное основание и семени их вверится.

16 Полнота премудрости — бояться Господа; она напоет их от плодов своих:

17 весь дом их она наполнит всем, чего желают, и кладовые их — произведениями своими.

18 Венец премудрости — страх Господень, произрашающий мир и невредимое здравие; но то и другое — дары Бога, Который распространяет славу любящих Его.

¹ Исход 24,3

² Філософія: Навч. посіб. / Л. В. Губерський, І. Ф. Надольний, В. П. Андрущенко та ін.; За ред. І.Ф. Надольного. — 7-ме вид., стер. — К.: Вікар, 2008. — с. 258-259.

19 Он видел ее и измерил, пролил как дождь ведение и разумное знание и возвысил славу обладающих ею.

20 Корень премудрости — бояться Господа, а ветви ее — долгоденствие»¹.

Соотнесём: начало премудрости — основа познания; полнота премудрости — критерий истины; венец премудрости — конечная цель; корень премудрости — источник и движущая сила. Любопытный пример не только проведения аналогий, но и переноса их, воспроизводства на базе совершенно другой терминологии через более чем 2 тысячи лет.

2.3. А теперь, в свете практического применения результатов нашего исследования, используем **аналогию для определения закона** (в смысле объективной закономерности) во всех пяти случаях (пониманиях):

- зрение. Закон — это форма, формула, максимальное обобщение частных случаев;

- тактильное ощущение. Закон — это совокупность всего, что может проявиться в объекте при нашем активном с ним манипулировании. Так называемая деятельностная парадигма, при которой ряд закономерностей могут в определённых условиях просто не проявляться, а значит, ими можно пренебречь до тех пор, пока мы не сумеем «вызвать их к жизни». Объект воистину является тем, что я могу с данным объектом сделать;

- обоняние. Закон — это то, внутри чего я нахожусь всегда. Тот фон, выйти из которого невозможно. Аналогия со зрением предполагает, что его из-за этого невозможно увидеть, ибо некуда отойти в сторону;

- вкус. Закон — это то, с помощью чего я выполняю любое действие, решаю любую задачу, без чего невозможна никакая моя активность;

- слух. Закон — это то что существует независимо от меня. То что я услышу, если прекращу какую бы то ни было свою активность. Напоминает аристотелевское представление об отвлечённом характере метафизических знаний, их совершенной неутилитарности, встречающееся затем в эстетическом аспекте в кантовском представлении о прекрасном.

2.4. И, наконец, в качестве примера прикладного характера возьмём столь известный со времён Зенона Элейского образ стрелы. Что будет означать познать данный объект со всех пяти точек зрения:

- зрение — описать стрелу теоретически, принцип устройства;

---

¹ Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/prem_sirah/txt01.html

- тактильное ощущение — сделать стрелу и выстрелить;
- обоняние — в любой ситуации оценивать, как можно воспользоваться стрелой (пример с использованием арбалетов для бесшумной стрельбы в городе современной полицией). Т.е. теоретически ситуация для стрелы; стрела является познавательной целью;
- вкус — воспользоваться стрелой для решения определённой задачи; стрела является средством, а ситуация целью;
- слух — понаблюдать за использованием стрелы кем-то другим, не вмешиваясь. Побывать в роли объекта. Пример с неодушевлённым предметом для аналогии со слухом, конечно, не самый подходящий.

Выводы: (1) метод аналогии представляет собой метод, делающий возможным механизм применения любого другого метода, что превращает его самого в базовый для построения любой методологии, но обуславливает тем самым её принципиальную неточность, образность, произвольность, зависимость от предпочтений и вкуса автора, проводящего аналогии одного типа и не замечающего других; (2) европейская гносеология вслед за древнегреческой философией активно использовала зрительные аналогии для обозначения познавательного процесса; (3) применение остальных четырёх аналогий с органами чувств (в синкретичном виде присутствующее ещё в древнееврейской традиции) существенно трансформирует привычные понятия и расширяет контекст гносеологического дискурса.

Sergey Zhenzhera, PhD in Philosophy, Docent at Department of Humanities of Open International University of Human Development 'Ukraine'

TO THE QUESTION ABOUT THE HEURISTIC VALUE OF THE METHOD OF ANALOGY

The article is devoted to methodological and heuristic value of the method of analogy. The author emphasizes its basic nature to any other method of learning. Examples of complex analogies between the phenomena and processes of different types are drawn. In the second part of the article on the basis of analogy with the human senses it is attempted to broaden the context of epistemological discourse.

The analogy method is discussed in logical, epistemological, ontological aspects. Although the methodological aspect is still considered as the principal one, and is determined by the main purpose of the study. Basic analogies in the description of the cognitive process are divided into those, which are used in philosophical and scientific worldview, and those closer to philosophical and religious. The first is the vision, the view from the outside. The second comprises hearing, touch, smell, taste, involving direct contact with the object of knowledge, dive into it, convergence, etc.

We consider separately the role of practice in the process of cognitive activity. It is emphasized that it rather refers to the analogies of the direct contact and manipulation with the object. Analogy is drawn between the Soviet understanding of the role of practice in learning and religious texts of the Old Testament

This article analyzes some of the views of George Berkeley, Francis Bacon, Ibn Sina, Anton Kartashev. The author draws on studies of representatives of domestic

philosophical school: academic Anatoly E. Conversky, professors Irina S. Dobronravova, Denis E. Prokopov.

General conclusions: (1) the analogy method is a method of making possible the mechanism of application of any other method that makes it a base to build any methodology, but thereby causes its fundamental inaccuracy, imagery, randomness, dependent on the preferences of the author conducting the analogy of one type and not noticing others; (2) European epistemology which followed Greek philosophy actively used visual analogy to refer to the cognitive process; (3) the application of the other four analogies to the senses (in syncretic form present in the ancient Hebrew tradition) significantly transformed the usual concepts and expanded the context of the epistemological discourse

Key words: analogy, epistemology, abstraction, category of practice, human senses

References

1. Andreev I. D. *Dialekticheskaja logika* [Dialectical logic] — Moscow: Vysshaja shkola, 1985. — 367 p. [In Russian]
2. Averbah Ju. L., Bejlin M. A. *Puteshestvie v shahmatnoe korolevstvo*. — 3-e izd., pererab., dop. [Travel to the Kingdom of chess 3-rd ed., revised] Moscow: Fizkul'tura i sport, 1988. — 272 p. [In Russian]
3. Babushkin L. *Zachem prekrasnoe prekrasno* [Why a wonderful is wonderful] Chapter 3 — Available at: http://proint.narod.ru/LB_book/chapt_3.htm (Accessed 15 September 2015) [In Russian]
4. Dobronravova I.S. *Idealy i typy naukovoyi ratsional'nosti* [Ideals and types of scientific rationality] — Available at: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/dobr-ideal.html> (Accessed 15 September 2015) [In Ukrainian]
5. *Filosofiya*: Navch. posib. / L.V. Hubers'kyi, I.F. Nadol'nyy, V.P. Andrushchenko ta in.; Za red. I.F. Nadol'noho. [Philosophy: tutorial / ed. I.F. Nadol'nyy] — 7-th ed. — Kyiv: Vikar, 2008. — 534 p. [In Ukrainian]
6. Kartashev A.V. *Vselenskie Sobory*. [Ecumenical Councils] — Minsk: LTD «Harvest», 2008. — 640 p. [In Russian]
7. Konverskij A.E. *LOGIKA tradicionnaja i sovremennaja*. Uchebnoe posobie. [Traditional and Modern Logic. Tutorial] — Moscow: Ideja-Press, 2010. — 380 p. [In Russian]
8. Luk'janenko S. V. *Sumerechnyj dozor*: Fantast. roman [Twilight Watch: Fantasy novel] — Har'kov: Folio; Moscow: LTD «Izdatel'stvo AST»; ZAO NPP «Ermak», 2004. — 445, [3] p. [In Russian]
9. Prokopov D.Ye. *Interpretatsiya khyby v yevropeys'kij filosofiji XVII — sere diny XVIII stolit'*: [Interpretation of fallacy in the European philosophy XVII — mid-XVIII century] — Kyiv: PARAPAN, 2008. — 428 p. [In Ukrainian]
10. Sagadeev A.V. *Ibn-Sina (Avicenna)*. — 2-nd ed. — Moscow: Mysl', 1985. — 222 p. [In Russian]
11. *Skazhena mukha* [crazy fly: mathematical puzzle] — Available at: <http://zadachki.in.ua/skazhena-muha/> (Accessed 15 September 2015) [In Ukrainian]
12. Strugackij A., Strugackij B. *Malysh // Obitaemyj ostrov; Malysh: Fantasticheskie romany*. [Kid. At: Inhabited Island; Kid: fiction novel.] — Moscow: AST-LTD; Sankt-Peterburg: Terra Fantastica, 1998. — 544 p. [In Russian]

13. *The Holy Bible* [Ukrainian Edition: SVYaTE PYS'MO STAROHO TA NOVOHO ZAVITU. — (Povnyy pereklad, zdiysnenyy za oryhnal'nymy yevreys'kymy, aramiys'kymy ta hrets'kymy tekt-samy). — Vydavnytstvo ottsiv Vasyliyan «MISSIONER», 2007]

14. *Ustav prepodobnogo Venedikta* [Charter of Reverend Benedict] — Available at: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=venedikt> (Accessed 15 September 2015) [In Russian]

15. *Wisdom of Jesus the Son of Sirach* [Russian edition: Vethij Zavet. Kniga Premudrosti Iisusa, syna Sirahova] — Available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/prem_sirah/txt01.html (Accessed 15 September 2015)

16. *Zahadka znykloho kvadrata* [The puzzle of disappeared square: mathematical puzzle] — Available at: <http://zadachki.in.ua/zahadka-znykloho-kvadrata/> (Accessed 15 September 2015) [In Ukrainian]

17. Zan T. *Zvezdnye vojny: Naslednik Imperii: Fantasticheskij roman*. [Star Wars: Heir to the Empire: Fantasy novel.] — Sankt-Peterburg: Terra Fantastica; Moscow: Izd-vo JeKSMO-Press, 2002. — 560 p. [In Russian]

18. Zan T. *Zvezdnye vojny: Poslednij prikaz: Fantasticheskij roman*. [Star Wars: The Last Command: Fantasy novel] — Sankt-Peterburg: Terra Fantastica; Moscow: Izd-vo JeKSMO-Press, 2002. — 640 p. [In Russian]

Стаття надійшла 06.09.2015